

Научная статья
УДК 94(47) 084.3
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-43-4-18-24

С. 18–24

СИСТЕМА САНКЦИЙ ЗА ДЕЗЕРТИРСТВО В РСФСР В 1919–1921 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Станислав Игоревич Панькин¹, Ирина Александровна Кравченко²

^{1,2} *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уральский филиал, Челябинск, Россия*

¹ *pstanislav78@yandex.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-6309-4206>

² *iakravchenko@fa.ru*

 <https://orcid.org/0009-0002-1383-0823>

Аннотация. В статье исследуются различные меры ответственности за дезертирство, уклонение от мобилизаций и пособничество на заключительном этапе Гражданской войны. На основе анализа архивных документов и чрезвычайных нормативных актов рассматриваются отдельные виды наказаний, практика их применения в рамках борьбы с дезертирством. Приводятся статистические данные по районам, уездам и губернии, позволяющие оценить масштабы репрессий в регионе. Выявлены проблемы квалификации деяний, реализации правосудия трибунальной юстицией, специальными органами в административном порядке и местные особенности назначения и исполнения наказаний на разных административно-территориальных уровнях. Выводы, основанные на широком анализе карательной политики, позволяют оценить борьбу с дезертирством в комплексе, его влияние на развитие государственных институтов, становление правовой системы и социальные отношения в Советской России, уточнив региональную специфику.

Ключевые слова: дезертирство, Челябинская губерния, комиссии по борьбе с дезертирством, трибуналы, штрафные роты, условный расстрел

Для цитирования: Панькин С. И., Кравченко И. А. Система санкций за дезертирство в РСФСР в 1919–1921 гг. (по материалам Челябинской губернии) // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 18–24. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-43-4-18-24

Research article

THE SYSTEM OF SANCTIONS FOR DESERTION IN THE RSFSR IN 1919-1921 (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHELYABINSK PROVINCE)

Stanislav I. Pankin¹, Irina A. Kravchenko²

^{1,2} *Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural branch, Chelyabinsk, Russia*

¹ *pstanislav78@yandex.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-6309-4206>

² *iakravchenko@fa.ru*

 <https://orcid.org/0009-0002-1383-0823>

Abstract. The article examines various measures of responsibility for desertion, evasion of mobilizations and complicity in the final stage of the Civil War. Based on the analysis of archival documents and emergency regulations, certain types of punishments and the practice of their application in the fight against desertion are considered. Statistical data on districts, counties and provinces are provided to assess the scale of repression in the region. The problems of the qualification of acts, the implementation of justice by the tribunal justice, special administrative bodies and local peculiarities of the appointment and execution of punishments at different administrative and territorial levels are revealed. The conclusions based on a broad analysis of punitive policy allow us to assess the fight against desertion in the complex, its impact on the development of state institutions, the formation of the legal system and social relations in Soviet Russia, specifying regional specifics.

Keywords: desertion, Chelyabinsk province, commissions to combat desertion, tribunals, penal companies, conditional execution

For citation: Pankin SI, Kravchenko IA. The system of sanctions for desertion in the RSFSR in 1919-1921 (based on the materials of the Chelyabinsk province). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(4):18-24. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2024-43-4-18-24

Введение

Дезертирство имело место во все исторические периоды, но во время Гражданской войны в России приобрело признаки социального протеста. Большевики, в условиях вооруженного противостояния воспринимали уклонение от мобилизации и оставление воинских частей, как угрозу существующему режиму. Масштабы явления, его социально-политическое содержание представляли для власти достаточно острую проблему. Ее решали различными методами, включая чрезвычайные меры государственного принуждения. Борьба с дезертирством являлась ведущим направлением внутренней политики при осуществлении безопасности советского государства. В рамках данной деятельности ключевую роль играли репрессии к виновным лицам, а также их родственникам. Система наказаний в 1918–1922 гг. развивалась преимущественно в сторону ужесточения, увеличения квалифицирующих признаков и количества составов деяний, предусмотренных в различных актах. Параллельно усиливали систему учета дезертиров, наделяя судебными и карательными функциями различные структуры.

Тема дезертирства в Гражданскую войну, чрезвычайные меры борьбы с ним востребованы исследователями, однако санкции и практика их применения остаются недостаточно изученными, как в масштабах всей страны, так и на местном уровне. Рассматриваются далеко не все аспекты, причем многие из них поверхностно. Отдельные виды наказаний изучены слабо. Многие авторы, как правило, только фиксируют различные виды ответственности, исходя из анализа декретов и постановлений. В ряде работ приводится статистика, но нет четких данных по осужденным, неясен порядок вынесения приговоров в рамках деятельности различных субъектов правоприменения [1; 2].

К числу немногих специальных работ относится исследование В. В. Никулина, где отмечается расширение понятия дезертирства с включением в него уклонения от призыва и укрывательства. Автор подчеркивает перманентное усиление ответственности, увеличение перечня отягчающих обстоятельств и полагает, что репрессии не решили проблему, но с уменьшением дезертирства произошло и смягчение ответственности [3].

Комплексному анализу проблемы посвящена монография К. В. Левшина. Приводятся примеры распределения дезертиров в уездных (УКД) и губернских (ГКД) комиссиях по борьбе с дезертирством, статистика наказаний. Исследователь отмечает, что применение санкций зависело от обстановки на фронтах и местных условий. Так, тюремные сроки были незначительными и в рамках амнистий постоянно сокращались. Отдельно выявлены факторы конкретной местности, которые могли квалифицироваться как смягчающие вину: темнота, неосознанность, безграмотность [4, с. 198–200, 210–213].

Итак, борьба с дезертирством в разрезе действовавших санкций изучена недостаточно. В то же время анализ системы наказаний даст возможность выявить особенности репрессивной политики в регионе, уточнить распространенность отдельных видов ответственности

по сравнению с другими территориями, а также их роль в борьбе с дезертирством.

Материал и методы

В статье использованы чрезвычайные нормативные акты, регулировавшие применение санкций за дезертирство, архивные документы, включая отчетность специальных органов, уголовные дела и специальная литература по теме исследования. Основу исследования составили общенаучные и специальные методы научного познания, анализ теоретических, нормативных и архивных источников, статистический, сравнительно-исторический методы.

Описание исследования

Уже первые акты РСФСР по дезертирству предусматривали дифференциацию ответственности в зависимости от степени виновности и освобождения от нее в случае добровольной явки. Постановление Совета обороны от 25.12.1918 закрепило в качестве наказания принудительные работы на срок до пяти лет для укрывателей, с лишением свободы либо без него. В акте декларативно зафиксирована возможность подвергнуть виновных, в случае рецидива, «каре в высшей ее степени» [5, с. 234]. Ведомственные циркуляры Центральной комдез в феврале 1920 г. уравнивали в плане наказаний дезертиров и уклонистов, закрепив градацию на злостных и по слабости воли. Первые подлежали передаче в трибуналы, не злостных отправляли в запасную или «в свою часть и без суда» [6, с. 83–84]. Постановление Совета обороны от 3.06.1919 закрепило конфискацию имущества, лишение навсегда либо на срок всего земельного надела, выполнение урочных работ в хозяйствах красноармейцев. Данные наказания имели право налагать ревтрибуналы, а при их отсутствии и ГКД в отношении семей дезертиров «и вообще к укрывателям». Таким образом, круг виновных лиц дополнялся укрывателями, пособниками (включая должностных лиц), семьями дезертиров и уклонистов. В случаях упорного укрывательства предусматривались штрафы на волости и деревни «за круговой порукой всего населения» с назначением принудительных работ [7, с. 417–419]. В качестве субъекта ответственности в этих случаях выступало все поселковое общество.

Конфискации, работы, повинности и особенно коллективные штрафы были четко ориентированы на сельских жителей, подлежавших аресту и преданию суду при уклонении. Такие чрезвычайные наказания без четкого определения пределов реализовывали принцип коллективной ответственности, ставя вне закона население целых районов. Здесь прослеживается линия на устранение условий к дезертирству, то есть борьба с активными, пассивными (родственники) и потенциальными (все жители местности) укрывателями.

Декретом ВЦИК от 8.04.1920 ГКД получили право приговаривать дезертиров к личным (до штрафных рот) и имущественным (конфискации) наказаниям, а УКД — те же меры в отношении укрывателей [8, с. 184–185].

В ряде случаев сложным представляется разделить административные санкции от уголовных, а также собственно наказания от мер уголовно-процессуального принуждения. Например, условная (временная) конфискация несла в себе признаки наложения ареста на имущество, но одновременно это была и мера государственного принуждения, налагаемая органами власти (исполкомы, УКД) без судебного решения.

Субъектами правоприменения выступали разнообразные структуры и должностные лица, перечень которых законодательно не закреплялся, но на практике постоянно увеличивался. В сельской местности наказания могли назначать распоряжениями командования частей комдез, межведомственных экспедиций, выездных оперативных троек (ОРТ), которых наделяли особыми полномочиями либо позже санкционировали произведенные ими конфискации и штрафы. Выездные сессии трибуналов, наделялись правами на постановление и исполнение любых наказаний с момента создания.

Уездный уровень представляли УКД, ЧК, военкоматы, исполкомы советов (ИК) и РКП (б), оперативные штабы (в форме троек, пятерок) из руководителей этих органов. Они налагали взыскания в виде штрафов, конфискации и контрибуций в рамках возложения круговой поруки. В некоторых районах чаще прочего применяли отправку в штрафные части. Так, Кустанайская УКД 20.08.1920 г. постановила направить в штрафроту на срок от одного до шести месяцев 52 злостных дезертира. В следующем месяце этому наказанию подвергли еще 50 беглецов¹.

Пенитенциарные функции в отношении семей дезертиров, по решениям УКД, уездисполкомов и трибуналов, исполняли волостные ИК, военкоматы, а также профильные структуры управления: комкрасхозы, отделы социального обеспечения и т. д. В губернском центре наказания дезертирам и уклонистам назначали ГКД, военные и революционные трибуналы, судебно-следственная комиссия военкомата, губЧК (при рассмотрении дел дезертиров). Субъектами ответственности являлись дезертиры, укрыватели, попустители, подстрекатели, уклонисты от призывов, должностные лица, сельские общества (штрафы, принудительные работы) и целые волости (контрибуции).

К моменту окончательного закрепления Советской власти на Южном Урале осенью 1919 г. система санкций была апробирована в других регионах. Образованные органы государственного принуждения получили ее в комплексе, а не вводили поэтапно. Челябинская губерния, созданная в сентябре 1919 г. первые месяцы являлась прифронтовой территорией, где армейские и советские структуры в сжатые сроки призвали десятки тысяч чел. Организационная неподготовленность мобилизаций и комплекс других причин вызвали массовое дезертирство. Масштабы приняли угрожающий характер. По данным ГКД, с 01.11.1919 по 31.01.1921 без

учета погрешностей отчетов в губернии были задержаны, добровольно явились и выявлены иными способами 39 165 дезертиров и уклонистов, из них за 1920 г. — 36 144². Данную статистику можно с уверенностью увеличить на тысячи дезертиров, прошедших через органы ЧК, милиции и 4000 дезертиров труда, изъятых с апреля по декабрь 1920 г. Видя размах проблемы и слабое воздействие агитации, власти переходили к репрессиям. В феврале 1920 г. Челябинская ГКД рекомендовала «наиболее реальные и целесообразные меры». Карательные включали наложение штрафов на деревню, где скрывается большинство дезертиров; контрибуции на волость, где большинство населения — кулачество, за укрывательство и содействие; полной конфискации на 3–4 хозяйства; частичное привлечение к ответственности волостных властей³.

Инструкции Центральной и Окружной комдез устанавливали пределы санкций: за первый не злостный побег — не выше штрафных частей, за первый злостный — «одна из высших мер». Отдельно оговаривалось: если в семье один — дезертир, а другой — «честный красноармеец», конфискации не применять⁴. Но исполнители на местах не всегда соблюдали данное требование.

В Челябинской губернии удельный вес злостных за 1920 г. составил 35,7 % (12 971 чел). Статистику наказаний содержит сводная таблица из годового отчета Челябингубкомдез⁵ (таблица 1).

За данный период в ГКД в административном порядке рассмотрели 5645 дел на 9950 дезертиров (отмеченных в таблице как производства), а в отделении трибунала при ГКД — 1666 дел, в рамках которых приговаривали от одного до десятков человек. Остальных в ходе разборов распределили: 21 185 — в запасные части, 12 — в госпитали, 323 — освободили военно-врачебные комиссии, 275 — не признали дезертирами и освободили, 17 — в ГубЧК. Сотни людей отправили в отпуска, инспекции труда, Народные суды, комиссии по пленным и беженцам⁶. Таким образом, большинство извлеченных дезертиров и уклонистов вернули в ряды РККА. Это подтверждает тезис, что главной целью было не покарать беглецов, а вернуть их в строй. В 1920 г. это являлось насущной проблемой ввиду исчерпания мобилизационных ресурсов и сложной обстановки на фронтах.

Общее количество вынесенных условных приговоров за 1920 год — 1242. Цифра дана без временной разбивки, однако из отчетов следует, что четверть из них (364) пришлось на сентябрь. По уездам картина серьезно различалась: в Челябинском за год их постановили 692 (более половины), в Троицком — 59, а в Курганском — ни одного⁷. Однако в последнем практиковали условные штрафы на принципах круговой поруки.

² ОГАЧО ФР-97. Оп. 2. Д. 142. Л. 55, Д. 139. Л. 13, 13 об. Д. 141. Л. 219.

³ Там же. Д. 139. Л. 14.

⁴ ОГАЧО Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 137. Л. 4 об., 5.

⁵ Там же. Д. 142. Л. 55.

⁶ ОГАЧО Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 142. Л. 72, 75.

⁷ Там же. Д. 142. Л. 11, 20, 26. Д. 139. Л. 141.

¹ ГУ «Объединенный государственный архив Челябинской области» (далее — ОГАЧО) Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139. Л. 82, 187.

Таблица 1 — Статистика наказаний (сводная таблица из годового отчета Челябингубкомдез)

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Дел рассмотренных ГКД			1718	1746	1468	1308	1140	744	645	365	347	469	9950
В отделении Ревтрибунала			58	18	79	44	206	347	220	259	263	178	1666
Расстрел								8	10				18
Тюрьма							23	31	17				71
Концлагерь			6	2	1	7	36	58	26	4	2	7	149
Штрафные части	97	313	1136	906	763	645	571	222	196	88	55	65	5063
Условных													1242
Конфискации выездной сессией у дезертиров								99	159	167	147	93	728
Укрывателей													100
КРС								70	70	274	447	77	938
Коней								28	60	283	372	101	856

В августе Курганская УКД постановила подвергнуть граждан Давыдовской, Байдарской и Половинской волостей условному штрафу в 4 млн руб. с обязательством, что они «сами очистят» местность от дезертиров, но с угрозой сразу «привести в исполнение», если последние «вновь появятся»¹. Не ясно, отразились ли такие случаи, как и условные расстрелы (с отправкой на фронт) в статистике приговоров. В сентябре 1920 г. в Троицком уезде в рамках одной акции по конфискации имущества у дезертиров и укрывателей три отмечены как условные. Советским служащим, за попустительство, назначались условные штрафы и аресты на несколько суток без отрыва от исполнения обязанностей².

К высшей мере за 1920 г. по линии ГКД приговорили 18 дезертиров [9]. Данная цифра вызывает сомнения из-за распространенной практики расстрелов на месте «при попытке к бегству», отсутствия сводной статистики смертных приговоров за дезертирство, вынесенных губЧК, трибуналами, выездными сессиями и пробелов в документах. Так, в отчете ГКД за сентябрь 1920 г. отмечены 10 дезертиров Верхнеуральского уезда, расстрелянных на месте. Здесь налицо внесудебная расправа в боевой обстановке с участием сотрудников комдез³. Правосудие в упрощенном порядке иллюстрирует решение по злостным дезертирам С. Н. Сафонову, Ф. Е. Семенову и Е. Я. Никитину. С учетом отягчающих обстоятельств (скрывались три месяца, бежали с обмундированием

и оружием) коллегия ГКД при участии члена отделения трибунала 19.08.1920 приговорила их к расстрелу⁴.

За групповое дезертирство из эшелона отделения ревтрибунала при ГКД 16.07.1920 осудило 30 чел. к пожизненному заключению, замененному отправкой на фронт⁵. В данном случае итоговая санкция совпадает с приговорами к условным расстрелам, но, по сути, красноармейцы не понесли наказания, продолжив движение в действующую армию.

Лишение свободы назначалось, за подобными редкими исключениями, на определенный срок либо «до окончания Гражданской войны». В рамках трибунальной юстиции и правосудия губЧК к заключению приговаривали и условно. Документы ГКД за 1920 г. информируют, что по линии комдез в тюрьмы направили 71 чел., причем всех с июля по сентябрь, а в концлагерь — 149. Из числа последних большинство (120) осудили за те же три месяца. Отметим также 7 труддезертиров, отправленных в дома лишения свободы (ДЛС) и 41 в лагеря принудительных работ (ЛПР), имевшихся во всех уездных центрах⁶. Весной 1922 г., несмотря на несколько амнистий, среди заключенных губернии числились десятки дезертиров⁷.

Назначение данного наказания не входило в полномочия УКД, поэтому картина по уездам не просматривается. Отчасти это восполняется судебной практикой

¹ Там же. Д. 139. Л. 116.

² Там же. Л. 211, 211об., 213.

³ Там же. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139. Л. 141.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 197, 228.

⁵ Там же. Л. 74.

⁶ Там же. Д. 142. Л. 55, 56, 72.

⁷ Там же. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 127. Л. 13–24. Д. 128. Л. 2–101.

выездных сессий, которые в 1920 г. семь раз высылало отделение при ГКД, кроме иных, отправленных военными и губернским ревтрибуналами.

Выездная сессия Реввоен трибунала при Армии Труда 20.09.1920 в Верхнеуральске рассмотрела дело по обвинению группы лиц в «двукратном» дезертирстве, организации банды, подделке документов, контрреволюционной агитации и соучастии в убийствах советских работников. К расстрелу приговорили 9 чел., лишению свободы на срок от пяти до двадцати лет — 12 чел. На жителей трех поселков (за исключением семей честных красноармейцев) за укрывательство и недоносительство наложили контрибуцию: Еленинский — 100 лошадей, 100 коров, 500 овец, по 250 полушубков и сапог; Неплюевский и Анненский суммарно — 600 лошадей, 500 коров, 1500 овец, 500 полушубков. Расстрел произвели 23 сентября, а изъятия имущества в течение нескольких дней¹. Сессия действовала в уезде месяц, постановив приговоры по десяткам подобных дел. Статистику расстрелов по таким приговорам в документах ГКД не отражали, даже если дознание производили сотрудники УКД.

Из отчета ГКД следует, что в штрафные части, по решениям УКД и ГКД за 1920 г. отправили 5063 дезертиров. Больше всего наказаний назначили в марте — 1136 чел. (рост в 3,6 раза по сравнению с февралем). С апреля по июль число штрафников по нисходящей снижалось от 907 до 571. С августа по декабрь суммарно этой санкции подвергли 624 чел. Штрафные роты находились в ведении уездвоенкоматов при запасных частях. В Кустанайском уезде с июня 1920 г. эту санкцию применили к 230 дезертирам. Сроки наказания составляли от двух недель до 12 месяцев². Штрафников использовали на работах, откуда многие вновь дезертировали. В Кустанайском уезде их задействовали на покосах, где они в августе 1920 г. организованно присоединились к зеленым³.

За бегство из штрафных частей применяли более суровые санкции. ГКД летом 1920 г. приговорила Е. К. Кочнева и И. Н. Богдановского к 12 месяцам штрафроты, откуда они бежали, но затем добровольно сдались. Выездная сессия в Троицке 16 сентября осудила их на 15 лет лишения свободы с конфискацией⁴.

Чрезвычайной мерой являлась контрибуция. Ее накладывали на волости (станции) по приговорам трибуналов, реже губЧК. Наказание назначали за групповое дезертирство, массовое укрывательство, часто сопряженное с повстанчеством. К ответственности привлекались все жители, за исключением семей советских работников и честных красноармейцев. Им вменяли непринятие мер к выдаче дезертиров, помощь им, недоносительство. В статистике ГКД контрибуции отдельно не выделялись, частично учитываясь, как конфискации.

Усиление этого направления в губернии произошло после объявления 3 августа 1920 г. «Похода на дезертиров и их укрывателей». В рамках этой акции ответственность за нахождение беглецов в населенном пункте налагалась на все общество. Совместный циркуляр губкома РКП (б), губвоенкомата, ГКД и губЧК от 11.09.1920 по поводу организации ОРТ в уездах и их работы, рекомендовал: «В тех районах, где особо свирепствуют дезертиры выбрать наиболее злостную волость (станцию) произвести имущественное обложение преимущественно кулацкого элемента и тотчас же широко оповестить об этом население»⁵. То есть данная мера планировалась, как точечная, но с расчетом на пропагандистский эффект в целях устрашения и профилактики укрывательства.

В конце сентября в «злостные уезды» отправили межведомственные экспедиции, ОРТ и выездные сессии трибуналов, ориентированные на «систематические конфискации и контрибуции», в октябре дополнительно сформировали еще пять сессий⁶. После ликвидации Зеленой армии в Кустанайском уезде на две волости в сентябре 1920 г. наложили штраф в 300 тыс. руб., а затем контрибуцию: 2 млн руб. на Большечураковскую и 3 млн руб. на Новоалексеевскую⁷. Коллегия губЧК в Челябинске 25.09.1920 г. приговорила к расстрелу и заключению в концлагерь 56 участников дезертирской организации Голубая армия. Отдельно в протоколе отметили: «Войти в ходатайство... о наложении контрибуции в виде репрессии на жителей станиц Еткульской, Каратабанской, Кичигинской за злостное укрывательство дезертиров и в способствовании организовать банды». Президиум губИК 7 октября постановил: «Материалы препроводить в губкомдез для наложения взыскания»⁸. Осенью 1920 г. межведомственная экспедиция УКД в дер. Агилькулова Челябинского уезда по обвинению в укрывательстве дезертира привлекла к ответственности 80 домохозяев. По итогам расследования в декабре была назначена контрибуция в 100 тыс. руб., «пропорционально имущественному состоянию»⁹.

Таким образом, контрибуции применялись на принципах круговой поруки в сочетании с коллективными штрафами и индивидуальными конфискациями. Оповещая население — исполнители стремились сформировать убеждение о неотвратимости наказания. Показательные акции, в сочетании с восстановлением в правах сдавшихся и амнистиями, демонстрировали принципиальность, неотвратимость и справедливость наказания.

Коллективные штрафы, когда субъектом наказания выступала вся сельская община, налагались за укрывательство, пособничество, трудовое дезертирство. В итоговом отчете эту санкцию также отдельно не отразили, отметив, что за 1920 г. оштрафовали 12 поселков

¹ Там же. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 29. Л. 150–151, 157. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139. Л. 143 об.

² Там же. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 142. Л. 47,–48, 55. Д. 139. Л. 143 об. Д. 136. Л. 13, 13 об.

³ Там же. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 40 об. Ф. Р-10. Оп. 4. Д. 3. Л. 53–55.

⁴ Там же. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 544. Л. 1, 2, 19, 15–16.

⁵ ОГАЧО Ф. П-77. Д. 109. Л. 70–71, 82.

⁶ Там же. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139. Л. 223.

⁷ Там же. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 34. Л. 637. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139. Л. 143 об. Д. 139а. Л. 51. Д. 139б. Л. 137 об.

⁸ Там же. Ф. Р-401. Д. 20. Л. 222–222 об. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 128. Л. 68 об. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139б. Л. 70.

⁹ Там же. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 110. Л. 2, 4, 6, 35–36.

на общую сумму 5 976 000 руб. Предположим, что все случаи связаны с массовыми конфискациями или контрибуциями в тех же пунктах и индивидуальными штрафами, что просматривается из приведенных примеров. Картина по уездам различалась. По отрывочной информации в Троицком за 1920 г. общая сумма штрафов составила 8000 руб., в Курганском данной мере подвергали только четырех человек в апреле на 10 тыс., по Челябинскому в сентябре оштрафовали четыре села на 300 тыс., в октябре 63 граждан на 44,5 тыс., в ноябре еще два поселка по 200 тыс. В Верхнеуральском на один поселок в августе наложили 300 тыс., с граждан за год взыскали 781 тыс. Такие объемы связаны с действиями в уезде выездных сессий и ОРТ¹.

К имущественным санкциям относилась индивидуальная конфискация имущества. За 1920 г. (с августа по декабрь) в документах отразили 728 случаев изъятий у дезертиров и 100 — у укрывателей произведенных выездными сессиями отделения трибунала при ГКД. Но конфискации назначались также по решениям УКД, командования отрядов, межведомственных экспедиций, ОРТ. В некоторых уездах, как в Кустанайском, ее применяли редко — за год отражен один факт в ноябре на сумму 50 тыс. руб.². По линии комдез конфискации первое время носили случайный и единичный характер: с ноября 1919 по август 1920 г. отмечено 60 случаев. Но с августа по декабрь их произвели уже 573. У жителей изъяли сотни голов КРС, лошадей, свиней, овец, а также домашнюю птицу, землю, дома, зерно, продукты, личное имущество, одежду³. Отметим, что проблема конфискаций требует отдельного исследования ввиду большой специфики практике их применения на уровне районов и уездов региона.

Арест, как дисциплинарную меру назначали за труд-дезертирство или попустительство. Так, в ноябре 1920 г. в Миасской УКД за халатность, «скверную организацию отчетности» к ряду сотрудников, включая зампреда-дателя, применили аресты. Осенью подобная картина наблюдалась по всем уездам⁴. Важным элементом борьбы являлись периодические недели явки, когда сдавшие лица освобождались от личной ответственности, а семьи восстанавливали в правах на получение помощи. Правило распространялось также на уклонистов и злостных дезертиров, при отсутствии иных составов преступления. В Челябинской губернии первую акцию

провели в июне 1920 г., когда явилось более тысячи человек, больше всего в Кустанайском уезде (739)⁵. Данный способ легализации мог привести к освобождению от службы. После фильтрации многих отправляли в бессрочный отпуск, увольняли по итогам освидетельствования, как негодных, не признанных дезертирами, либо по возрасту. Следующую волну явок организовали в ноябре-декабре, с широким оповещением в прессе, причем даты в уездах варьировались. По итогам за ноябрь, в губернии 77 задержанных и явившихся освободили, 57 признали не годными к службе. Всего же за 1920 г. 40 % всех извлеченных дезертиров и уклонистов явились сами (14 463)⁶. Отметим и амнистии, примененные в ноябре-декабре 1920 и мае 1921 гг., когда сокращались сроки и объемы наказаний, либо осужденных освобождали.

Заключение и вывод

Итак, система наказаний за дезертирство в регионе являлась весьма громоздкой и местами запутанной. Распространенность отдельных видов санкций в те или иные отрезки времени зависела от политической обстановки, местных условий, наличия ресурсов и возможностей уполномоченных органов.

Среди целей наказаний, наряду с охраной существующего режима, отметим профилактику в плане устранения причин и мотивов к укрывательству, а также компенсацию за унесенное дезертирами казенное имущество. Принципы ответственности, за исключением круговой поруки, революционного правосознания и пролетарской совести, в нормативных актах и приговорах не прописывались, но их фиксировали в инструкциях и приказах, где речь шла о формировании у населения чувства неотвратимости наказания.

На протяжении рассматриваемого периода репрессии сочетались с амнистиями и восстановлением в правах. Высшая мера и лишение свободы в совокупности составили менее одного процента из общего числа наказаний по линии комдез. Наиболее суровые санкции, как правило, носили показательный характер и не были массово распространены. Они имели целью удержать потенциальных дезертиров и уклонистов или вернуть в ряды Красной Армии уже бежавших. Но перегибы в действиях исполнителей на местах присутствовали. В ходе плановых акций административные, уголовные, экономические санкции и меры принуждения использовали комплексно.

¹ ОГАЧО Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 142. Л. 11, 20, 26, 74, 109.

² Там же. Д. 141. Л. 139. Д. 142. Л. 55, 109.

³ Там же. Д. 139. Л. 205, 214, 218. Д. 142. Л. 38, 59, 65.

⁴ Там же. Д. 139б. Л. 29–30.

⁵ Там же. Д. 142. Л. 20, 26, 38, 47.

⁶ Там же. Д. 139б. Л. 16, 39, 49–51, 114. Д. 142. Л. 55.

Список источников

1. Позднякова А. С. Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56–66.
2. Панькин С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии в 1919–1920-х гг. // Военно-юридический журнал. 2022. № 1. С. 25–29.

3. Никулин В. В. Дезертирство в период гражданской войны в России. Общая характеристика, чрезвычайное законодательство и уголовное наказание (1918–1920 годы) // Юридические исследования. 2014. № 9. С. 23–50.
4. Левшин К. В. Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны (по материалам Северо-Запада России). Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. 360 с.
5. Декреты Советской власти. Т. 4: 10 ноября 1918 — 31 марта 1919. Москва : Политиздат, 1968. 731 с.
6. Сборник постановлений и распоряжений Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. Вып. IV. Москва : [б. и.], 1920. 130 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. Москва : [б. и.], 1943. 886 с.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. Москва : [б. и.], 1943. 818 с.
9. Советская правда (Челябинск). 1920 год. 19 декабря.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

Дата поступления статьи / Received: 12.07.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 24.08.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.10.2024.